

Ранний субботний вечер. Хрюков канал. Студия на докфильме. Небольшая комната, примыкающая к студии. Половину комнаты занимает огромный стол, на котором в живописном беспорядке разбросаны: мешок сахара, грязные стаканы, два чайника (без вина), банки с какой-то едой, хлеб, колбаса. В комнате я и Дмитрий Озерский.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Корр.: Дима, ты писал стихи до АУКЦИОНА?

Озерский: Что-то писал, еще когда была первая Ленкина группа, но тогда был немножко другой подход.

Корр.: Это песни, а просто стихи были?

Озерский: В юншество...

Корр.: Леня в группе деспотично себя ведет?

Озерский: Нет. Естественно, он как бы главный. А насколько он деспотично ведет себя, я не могу сказать, потому что не с чем сравнивать. Если бы я работал в каких-то других коллективах, я бы мог сказать, что он деспотичнее, предположим, Гребенщикова. Есть, конечно, и его слово, но есть и общее слово. Грубо говоря, я не играю то, что мне не нравится. Например, я что-то придумал на эту песню — ему не нравится. Я придумал третий — нравится и мне и ему.

Корр.: То есть, последнее слово всегда остается за ним?

Озерский: Ну, наверное. Конечно. Да. Его же музыка...

Корр.: Стабильность в группе от чего?

Озерский: Я не знаю. Потому что интересно. Может быть, потому что, опять же, нет такого диктата. Потому что каждый делает то, что ему нравится, хотя все любят очень разную музыку, абсолютно.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Входят Леонид Федоров, Павел Литвинов, Николай Рубанов. Осматривают стол. Изучают содержимое банок. Федоров требует чай, включает чайник. Ему сообщают, что там уже нет воды. Мы с Озерским пытаемся продолжить разговор.

Корр.: Сейчас многие поют на английском, видимо, хотят Европу покорить, а АУКЦИОН из Европы не вылезает, почему же не поете по-английски?

Литвинов: Не знаем английского. Не умеем. Дижция не позволяет.

Федоров: Я его, видимо, потому и не знаю.

Рубанов (мрачно): Я знаю, почему они поют по-английски!

Корр.: Почему?

Рубанов (еще мрачнее): Потому что просто нечего сказать по-русски!

Корр.: Но в Европе же все равно не понимают русского!

Рубанов: А не важно. Если человеку есть что сказать, они там понимают без слов.

Корр.: То есть группа никогда не будет петь по-английски?

Рубанов: А кому это нужно?

Федоров: Зарекаться не надо.

Литвинов: Может, найдется какая-нибудь хорошая фраза из двух-трех слов, которую Федоров сможет выговорить.

(Еще кто-то входит, потом выходит. Федоров остается, но занят сочинением сложного бутерброда: хлеб, колбаса, красная (в смысле рыжая) "заморская" кабачковая икра.)

Корр.: Дима, есть ли у тебя... Го есть, что значит "есть ли", конечно, есть — любимые поэты?

Кто-то из музыкантов отвечает за Озерского: Да! Я сам!

Федоров (продолжает ответ): Очень люблю, знаете!

Озерский (пытаясь ласково отстранить Рубанова, которого заинтересовал стол, Рубанов старается до чего-то дотянуться, стоя между мной и Озерским, так что мы друг друга не видим): С юншеством осталась Пастернак и сейчас его очень люблю. Есть и другие, которые нравятся, но если говорить о любимых, то Пастернак, Саша Черный.

Корр.: Они как-то на тебя влияют?

Озерский: Естественно!

Корр.: Не хочется украсть какую-нибудь строчку?

Озерский: Так мы постоянно воруют!

Корр.: Вы как-то очень тонко боруете, незаметно.

Федоров: Профи!

Литвинов (с пафосом): Талант! Талант!

Федоров: Дижция плохая. Не понимают. Дижция спасает!

Корр.: Дижция, кстати, хорошая. Особенно в последнее время.

Федоров: Плохо!

Литвинов: Плохо! Недоработки.

Федоров: Могут заметить плагиат.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Музыканты уходят. Я, Озерский и Федоров продолжаем разговор. На первые вопросы Федоров отвечает, дожевывая свой бутерброд. В процессе разговора музыканты возвращаются, прощаются, снова возвращаются, уточняют время следующего сбора в студии, опять прощаются, потом выясняется, что ушли, все же, не все.

Корр.: Леня, вот бы записали новый альбом и не будет ни презентаций, ни клипа, ни рекламы... Не надо?

Федоров: Мне это не интересно. Наверное надо, но мне это не интересно. Это времени много отнимает, а зачем? Смысла-то особого в этом нет...

Изначально мы не хотели сниматься в клипах, потому что были попытки в начальной стадии и получалось такое дерьмо, что и сами тошно. Какая тут реклама — клип говно. А потом, когда начали показываться эти клипмейкеры...

Там как бы тоже особых клипов-то... Плюс за это надо было деньги платить, которых у нас нет. Когда на халюву получалось — снимались.

Сейчас у нас какой-то клип снялся. Не знаю, доделан он, не доделан. Что-то должно получиться хорошо. По крайней мере, человеку, который все это снимал, нравится. Все равно это не наша работа. Если бы мы занимались съемками клипов — были бы клипмейкерами.

Корр.: Неужели не нашлось богатого человека, который бы вложил в вас деньги, или это от вас зависит?

Федоров: Наверное есть богатые, но нам они не попадались. (Входит Хвостенко, ласково прощается с Федоровым и Озерским, вежливо со мной.)

Федоров: Мы просто привыкли заниматься своими делами. Мы никогда не будем вести какие-то беседы для того, чтобы стать популярными. Даже когда все говорят — да, это нужно сделать, то все равно это через пень-колоду получается: эти съемки, эти клипы... Нет такой задачи. Актуальность не назрела, видимо, а может и не назреет...

Корр.: Группа начинала с крутых шоу, вы сознательно от этого отказались или так получилось само собой?

Федоров: Как-то само по себе. Зачем заниматься одним и тем же!

Озерский: Это все о том же. Когда-то это было интересно, а теперь

Птица живет в дупле

Rockfuzz - 1995 - авг. (№24) - стр. 6-10

Корр.: То есть ощущения, что люди другие пришли, что они как-то по-другому все понимают, нет? И вообще, есть ли желание, чтобы вас кто-то понял?

Федоров: Желание есть, естественно! Иначе смысл теряется у всего.

Корр.: Леня такой затейник! Ты в разных интервью, разным людям отбавляешь разное на одни и те же вопросы!

Федоров: Должна же быть человеку какая-то загадка! Так прямо все и скажи, как на духу! (Возвращается Литвинов.)

Литвинов: Он косноязычный, да еще и дижция плохая, в основном они 90 процентов сами придумывают.

Корр.: То есть журналисты его просто неправильно понимают?

Литвинов: Они вообще ничего не понимают!

Федоров: Половину слов, которые я читаю в интервью, я даже и не знаю.

Корр.: Прочитав интервью в RF, один человек сказал: ну что, это классический случай звездной болезни. Леня уже на все и на всех наплевать...

Федоров: Да, наверное. Ну что же делать! Дело не в этом. Я действительно не люблю и не умею давать интервью. И потому каждый раз, когда меня просят, я как бы в растерянности...

Корр.: У меня после прослушивания "Бодуна" было ощущение, что группа сделала все, что могла, сказала все, что могла и теперь неизвестно, что она будет делать. У вас бывает такое ощущение?

Федоров: Каждый раз! Вообще, когда что-нибудь сделаешь, думаешь: вот, блин, сделали и больше ничего не получится!

Корр.: Леня, ты когда-то говорил, что программу "Вернись в Сорренто" составлял, как кроссборг. Сегодня это происходит так же?

Федоров: Ну, в общем, да.

Корр.: А чем ты руководствуешься, когда переставляешь песни?

Федоров: Настроением. Интуицией.

Корр.: Ты человек настроения?

Федоров: В общем, да.

Корр.: И ты им не управляешь?

а все равно — фигово...

Корр.: Вопрос, который Джордж очень любил задавать одно время: какие у группы отношения с алкоголем?

Озерский: Нормальные. Дружеские.

Корр.: А на творчество он влияние не оказывает? Скажем, надо ли выпить перед концертом?

Федоров: Мне не обязательно. Точнее даже не то, что не обязательно, ну, 50 грамм можно коньяка, но если его нет, то и нет.

Корр.: А перед тем, как песню написать?

Озерский и Федоров (вместе): Нет! Нет!

Озерский: Мы не алкоголики.

Федоров: Мы любим выпить, чтобы повеселиться, забыться. Нахраться можем...

Озерский: Но это не имеет никакого отношения к творческому процессу.

Федоров: Нет, имеет какое-то отношение. Но я не сказал бы, вот, давай мы сейчас нахремся и песню напишем. Или наоборот.

Озерский: Наоборот, это последствие творческого процесса.

Федоров: То есть мы напишем, а потом нахремся.

Корр.: А ваши семьи... Они имеют какое-то отношение к творчеству АУКЦИОНА? Скажем, ты написал мелодию и показываешь ее жене...

Федоров: Бывает. Обычно, когда не уверен в чем-то. А бывает и нет. Это не важно, на мой взгляд, в семейных отношениях. Дижка, кстати, классный анекдот рассказывал из Хармса. Помнишь, (обращаясь к Озерскому) про то, как Лев Толстой писал стихи? Мы тогда "Бодун" придумывали. Я жене показал, а ей не понравилось. Я к Димке прихожу, говорю: мы что-то не то написали, жена сказала. А Димка рассказал анекдот...

Корр.: И костыль задрожал в его руке...

Федоров: Ну да! Так я понял, что...

Озерский: Нет, на самом деле анекдот заканчивается так: И с тех пор во всем полагался на ее литературный вкус.

Корр.: А что для вас важнее — музыка или текст?

Федоров: Важно все. Если бы важной была музыка, мы бы занимались только музыкой.

Корр.: И никогда не хотелось сделать чисто инструментальную вещь?

Федоров: Мы не ставим какой-то задачи определенной. Так получается...

Озерский: Нет, музыка, конечно, важнее.

Федоров: Я думаю — нет.

Озерский: Музыка — определяющее начало. Текст можно 20 раз переделать.

Федоров: Музыка, кстати, тоже. Помоему, если песня, то должны быть слова. Бывают у нас вещи, которые я бы даже и песней не назвал.

Корр.: Последние альбомы у вас были мрачноваты, а "Птица" такая светлая, это потому, что ощущение жизни изменилось? Старше стали?

Федоров: Я не знаю. Все взаимосвязано...

Озерский: В "Птице" все очень сильно зависит от перестановки песен. Я просто помню, мы сидели в Германии, нам не нравилась композиция песен. Там расстановка была другая, чтобы альбом тянул на веселый, оптимистический...

Корр.: То есть задумка была сразу сделать оптимистический альбом?

Озерский: Нет, задумки не было. Но когда уже написали, расставили песни так, чтобы получилось оптимистично. И в конечном итоге там что-то не нравилось. Я тогда сел и прикинул, как должна быть, по моему, составлена программа. И практически все в таком варианте и записали. Послушали и сказали: ну вот, хотели сделать весело, а получилась мрачнущая дижя. То есть, как всегда. Но как бы сошлись, что мрачно, но зато с настроением. А когда приехали из Германии, нам все го-

ворят: ну вот, наконец-то записали веселый альбом.

Корр.: Да, "Птица" получилась светлая. Я например, "Дупло" долго вообще слушать не могла...

(К разговору подключается Ира Озерская)

Ира: А птица живет в дупле!

Корр.: Возвращаясь к публике, скажите, есть ли вообще какая-то энергия из зала, или это только метафора журналистов?

Озерский: Безусловно, есть. Но когда человек с первой песни начинает прыгать, лезть на сцену, вставать на уши — это не значит, что мне от него идет какая-то энергия.

Федоров: Не знаю, я практически публику не вижу, играю для того, чтобы в кайф было на сцене. Я чувствую прекрасно, как отдача идет на зал. Адекватность состояния на сцене и того, что происходит там.

Например, я чувствую, что, вроде мы играем нормально, а в зале что-то непонятное. Но бывает, что на сцене все плохо, а все подходят и говорят: вот, ништяк было — такого тоже не могу понять. Потому, в принципе, мне все равно, на самом деле: есть публика — нет. Мы играли отличные концерты... Как мы обычно говорим: самые лучшие концерты — бесплатно и на пустом зале. Когда выходишь и понимаешь — денег не заплатят, народу не будет и на фиг ты не нужен — ну ладно, играем для себя.

Корр.: А желания ухватить и работать в другой стране не возникает?

Федоров: После первой поездки в 89 году в Германию... Разница была действительно... У нас самая такая чернуха, антиалкогольная кампания, талоны на сигареты... А туда приехали... И мы быстро тогда Германию проехали, дней за 10... Я сюда вернулся, 3 дня из дома не выходил... А потом понятно стало, что там то же самое, что ничего там лучше нет. То, что нам нужно, то есть мне нужно — там этого нет.

Здесь хоть профессиональный стимул что-то делать есть, потому что здесь ничего нет. А там, понятно, всего навалом. Даже те, кто там что-то делает — у меня такое ощущение возникает — стараются сделать для себя. Там, в принципе, никому ничего не нужно.

Корр.: А профессионализм на концертах нарабатывается или как-то репетиции ужесточаются?

Федоров: Репетиции — это, на мой взгляд... Опять же, смотря какие. Нам очень повезло в свое время, когда была точка на проспекте Металлистов, там был зал, мы репетировали на сцене...

Корр.: Там почти концерты были...

Федоров: Ну да. Была определенная школа... Но все равно, если группа концертная, то она должна играть концерты. Репетиции никогда не дадут того, что концерт...

Эпилог

Поздний вечер. Улица Римского-Корсакова. Я и Федоров.

Федоров (продолжая разговор): Насчет звездной болезни... Понимаешь, я правда не умею давать интервью. Я никого не собираюсь лечить или учить. Я же понимаю, что мы не какие-то там крутые музыканты, от этого ведь никуда не денешься...

Корр.: А мнения других людей, твоих друзей, что группа крутая, что одна из лучших на сегодня — они на это твоё отношение к себе не влияют?

Федоров: Нет.